

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2025), 165–180
© The Author(s) 2025

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2025), 165–180
©Автор(ы) 2025

DOI: 10.18503/1992-0431-2025-3-89-165-180

О «СПРЯТАННОМ» ПЕТРОГЛИФЕ НА ПЛИТЕ БОЛЬШОГО САЛБЫКСКОГО КУРГАНА (НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КУРГАННОЙ АРХИТЕКТУРЫ)

В.Э. Семашкевич

*Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории,
Абакан, Россия*

E-mail: vladsem4175@yandex.ru

ORCID: 0009-0001-7238-9567

Статья вводит в научный оборот многофигурную композицию, недавно обнаруженную на плите ограды так называемого царского Большого Салбыкского кургана тагарской археологической культуры. Рисунок выбит на узкой торцевой плоскости плиты, примыкающей к юго-восточной вертикальной угловой стеле. Петроглиф практически не виден со стороны. Плита попала в конструкции кургана из каменоломни, на скальных утесах которой были высечены петроглифы и где велась добыча строительного материала для памятника. В композиции нашли отражение два мотива, известные в наскальном искусстве эпохи поздней бронзы и раннего железного века – «владыка зверей» (= «господин коней») и изображение взрослой особи копытного животного с детенышем (?) под ее брюхом. Более подробно рассмотрен второй мотив, приводятся аналогии среди наскальных петроглифов и изображений на камнях тагарских и тесинских курганов. Сделан предварительный вывод о том, что применительно к курганным конструкциям этот мотив появляется в позднетагарское и тесинское время. Единичность таких изображений пока не позволяет говорить о распространенности мотива среди рисунков на курганных плитах. Высказывается гипотеза, что размещение насыщенных рисунками плит ограды рядом с вертикальными угловыми или простеночными стелами кургана – архитектурный прием, дополняющий смысловую нагрузку стел как семантически значимых элементов конструкции.

Ключевые слова: Большой Салбыкский курган, тагарская культура, тесинская культура, петроглифы, курганская архитектура

Данные об авторе. Владислав Эдуардович Семашкевич – научный сотрудник сектора археологии ХакНИИЯЛИ.

Автор выражает признательность д.и.н. О.С. Советовой (КемГУ), рекомендации которой способствовали внесению корректив в первоначальный вариант статьи, а также Е.А. Миклашевич (ИА РАН, Кузбасский музей-заповедник «Томская Писаница») за высказанные при обсуждении ценные замечания в части атрибуции изображений, а также некоторые предоставленные графические материалы.

Фотографии выполнены Б.В. Долининым (Хакасское отделение «Союза фотохудожников России», Абакан).

В 2024 г. исполнилось 70 лет с начала раскопок одного из крупнейших элитных мемориальных памятников в бассейне Среднего Енисея – Большого Салбыкского кургана (далее – БСК) в Хакасии, расположенного в 47 км к северо-западу от Абакана в урочище Салбык Усть-Абаканского района. Археологические работы проводились Хакасской археологической экспедицией ИИМК АН СССР (Москва) при участии Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (Абакан) в течение трех полевых сезонов (1954–1956 гг.) под руководством члена-корреспондента АН СССР С.В. Киселева, отчеты которого недавно опубликованы¹. В 2007 г. на основе БСК создан музей «Древние курганы Салбыкской степи».

К началу раскопок высота насыпи составляла 11,5 м, объем – 23 543 куб. м. Основу квадратной ограды размерами 71×71 м составляли поставленные на ребро крупные плиты песчаника, сохранившиеся до настоящего времени. По углам ограды и в ее простенках установлены 23 вертикальные стелы, вес которых варьирует от 30 до 100 т. Курган с учетом своего элитного статуса имеет исключительную значимость для понимания социальных, производственных и ритуальных сторон жизни тагарского общества. Одно из свидетельств ритуалов, связанных с курганом, – петроглифы на плитах ограды и вертикальных стелах. Настоящая статья посвящена новым петроглифам, выявленным на каменных конструкциях БСК.

ПЕТРОГЛИФЫ НА ПЛИТАХ БОЛЬШОГО САЛБЫКСКОГО КУРГАНА

На сегодняшний день исследователи наскального искусства практически единодушны во мнении, что рисунки на стелах и камнях оград тагарских курганов – самостоятельный вид источников ритуально-погребального цикла, отличный от изображений на скалах².

Большинство известных изображений на плитах ограды и вертикальных стелах БСК (рис. 1) опубликовано в монографии Л.С. Марсадолова, посвященной данному памятнику³. Их можно разделить на одиночные изображения, многофигурные композиции и скопление тамгообразных знаков.

Одиночные рисунки на плитах № 4, 8, 81 представлены схематичными фигурами так называемых тагарских человечков, изображенных в традиционных позах – стоящими, в фертообразной позиции, лежащими. Выполнены техникой точечной выбивки, характерной для тагарской эпохи.

После снятия земляной насыпи БСК на плитах № 7 и 63 обнаружены рисунки, представлявшие собой многофигурные композиции. Археологом Л.А. Евтюховой сделаны их фотоснимки⁴. В отчетах С.В. Киселева эти плиты упоминаются как выломанные из утесов, покрытых писаницами, часть изображений которых оказалась на блоках, использованных для строительства ограды⁵.

¹ Киселев 2016, 6–15.

² Савинов 2013, 112; Миклашевич, Бове 2015, 52–64; Шишкина 2015, 50–61.

³ Марсадолов 2010, рис. 43–46.

⁴ РФ ХакНИИЯЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1046. Фото 1955/65, 1954/44.

⁵ Киселев 2016, 7, 14.

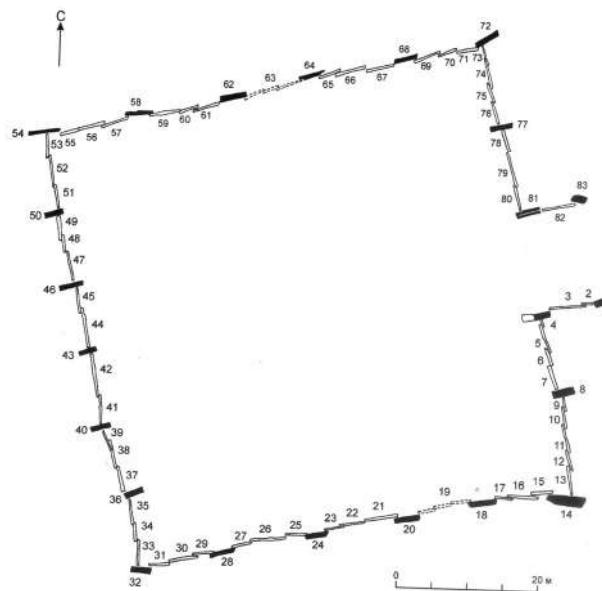

Рис. 1. План ограды Большого Салбыкского кургана (По: Марсадолов 2010, рис. 30)

Рис. 2. Рисунки на плите № 7. Фото Л.А. Евтюховой (РФ ХакНИИЯЛИ, Ф. 3 Оп. 1. Д. 1046. Фото 1955/65)

Многофигурная композиция⁶ на внутренней (западной) плоскости плиты № 7, вероятно, не была частью рисунков, перенесенных с писаницы. Как правило, на скалах, сложенных из песчаника, рисунки наносились на скальную корку поперек осадочных слоев, слагающих каменную породу. В данном случае изображение выбито на плоскости. По-видимому, рисунок выполнен, когда каменный блок уже был установлен (либо подготавливался к установке) в ограде. На это могут указывать правильная ориентация изображений и, как представляется, их смысловая связанность. Исследователи видят в этой композиции отражение модели жизни и смерти в представлениях носителей тагарской культуры⁷, а также сюжетов, связанных с так называемыми обрядами перехода в погребальной практике, цель которых – обеспечить человеку в переломные периоды его жизни благоприятный переход из одного состояния в другое⁸. Верхняя часть изображения на сегодняшний день утрачена, о ее содержании можно судить по фотографии, сделанной Л.А. Евтуховой (рис. 2).

Рисунки на внешней (северной) плоскости плиты № 63 северной стены ограды БСК представлены множеством выбитых в разное время «тагарских человечков» в различных позах, местами перекрывающих друг друга. Под давлением земляной насыпи плита лопнула на три части, одна из которых ныне экспонируется в Хакасском национальном краеведческом музее им. Л.Р. Кызласова⁹ (рис. 3). Как и плита № 7, она не выглядит переиспользованной: рисунки имеют правильную ориентацию, по своим размерам близка другим камням ограды, которые добывались на каменоломне специально для конструкций кургана¹⁰. Скорее всего, большая часть рисунков на плите № 63 нанесена одновременно с постройкой ограды, другие могли наноситься после возведения БСК, пока плоскость плиты не затянулась оплывавшей земляной насыпью.

На внутренней (северной) плоскости самой большой юго-восточной угловой стелы ограды (плита № 14) представлено скопление тамг. По-видимому, первым исследователем, задокументировавшим знаки, стал минусинский фотограф Н.В. Федоров, который в 1910 г. сделал ряд снимков этой плоскости¹¹. К настоящему времени часть тамгообразных изображений в верхней части утрачена из-за отслоения песчаника, что делает фото Н.В. Федорова фактически единственным источником для изучения не сохранившихся тамг. С.А. Яценко и Л.С. Марсадоловым знаки систематизированы, составлен их каталог¹².

⁶ Марсадолов 2010, рис. 43–44.

⁷ Марсадолов 2010, 26.

⁸ Савинов 2013, 112, 115.

⁹ Экспонат № ХНКМ КП-314/40.

¹⁰ Каменоломня, где добывались камни для БСК и салбыкских курганов, располагается на горе Хызыл-Хая в 16 км к юго-западу от памятника (о каменоломне см.: Кызласов 2022, 14–20; Марсадолов 2010, 38–39). По оценке д-ра геогр. наук А.М. Малолетко (2016, 61), изучавшего плиты БСК, блоки для ограды выламывались в одном карьере или в очень близких по стратиграфии разрезах.

¹¹ Негативы хранятся в Минусинском региональном краеведческом музее им. Н.М. Мартынова – МКМ Нст ОФ № 5463, 5465, 5480.

¹² Яценко, Марсадолов 2005, 212–215.

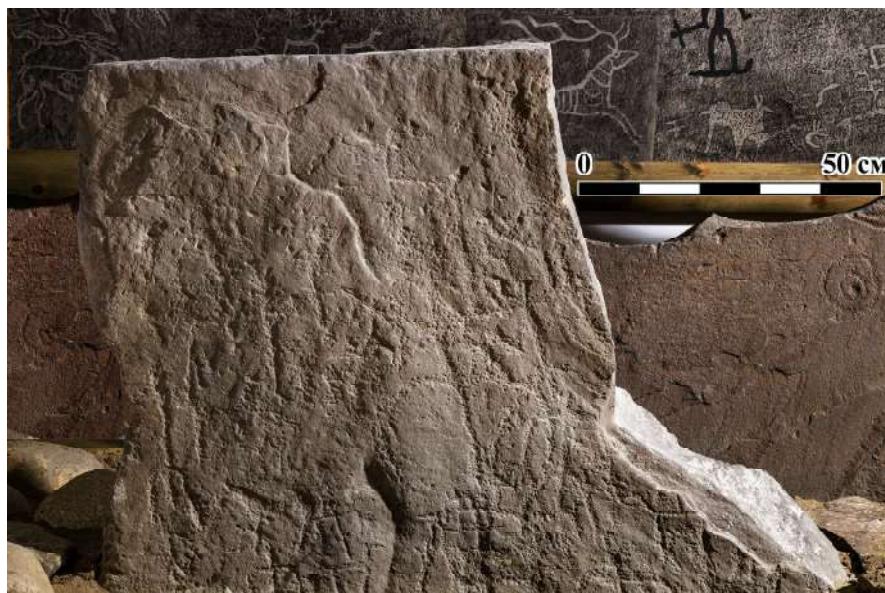

Рис. 3. Фрагмент плиты № 63 в экспозиции ХНКМ

Рис. 4. Общий вид с востока на плиты № 13 и № 14 ЮВ угла

 «СПРЯТАННЫЙ» РИСУНОК НА ПЛИТЕ ОГРАДЫ

В 2022 г. при осмотре скопления тамг автором обнаружена многофигурная композиция¹³, выбитая на узкой южной торцевой плоскости плиты № 13, прилегающей к юго-восточной угловой стеле № 14. Высота плиты № 13 от уровня современной дневной поверхности составляет 1,58 м, толщина – 0,27 м. Плоскость, на которой нанесены петроглифы, расположена под небольшим углом по отношению к угловой стеле, образуя расширяющийся кверху клинообразный просвет. Расстояние от плиты до стелы № 14 у земли составляет 0,04 м, на уровне верхней плоскости – 0,26 м (рис. 4). Очевидно, ранее просвет был закрыт, так как при строительстве ограды все щели между камнями закладывались мелкими плитками¹⁴. Изображение можно увидеть, только заглянув в просвет между стелой и плитой, в отчетах С.В. Киселева упоминание о нем отсутствует.

Плиту ограды № 13, вероятно, выломали из скального массива с петроглифами, и ранее плоскость, на которой находится композиция, располагалась горизонтально¹⁵. После установки плиты в качестве камня стены ограды рисунок приобрел вертикальную ориентацию. Выше и ниже композиции, уходя под землю, фиксируются другие плохо читаемые выбивки, подтверждая, что плита – фрагмент скальной писаницы. Петроглифы сфотографированы¹⁶.

На плоскости площадью $0,26 \times 0,5$ м изображены четыре фигуры, выполненные мелкоточечной выбивкой, местами имеются небольшие минеральные отложения (рис. 6). Фигуры изображены в следующем порядке.

Внизу копытное животное, вероятно, самка сибирского горного козла (*Capra sibirica*), о чем можно судить по небольшим рогам, короткому хвосту и недлинным по отношению к туловищу ногам¹⁷. Коза изображена достаточно реалистично, с четырьмя ногами, в так называемой позе внезапной остановки, либо подготовки к прыжку¹⁸. Над козой (изначально на писанице – справа от козы) изображена силуэтная антропоморфная фигура, руки разведены в стороны и опущены, голова конусовидной формы. Слева, рядом с рукой человека, имеется выбивка вогнутой формы, перекрывающая одну из передних ног козы. Над человеком (изначально на писанице – справа от антропоморфной фигуры) изображена самка копытного животного, в котором хорошо узнаваем *Capra sibirica*. Под животом взрослой особи находится детеныш, кормящийся молоком. Животные изображены в профиль, у них обозначены по две ноги. При этом у самки показаны крупные рога, как у самца. Изображенная на плите № 13 БСК сцена кормления козленка запечатлела весенний (апрель–май) период жизни *Capra sibirica*, когда на территории южносибирского ареала этого вида *происходит отел самок*¹⁹. Нанесение подобных сцен могло соотноситься с календарной системой, основанной на признаках биологического поведения животных (беременность, роды, кормление и т.д.)²⁰.

¹³ Как выяснилось, отдельным работникам музея рисунок уже был известен.

¹⁴ Киселев 2016, 12.

¹⁵ В результате осмотра каменоломни на горе Хызыл-Хая петроглифы не обнаружены. Вероятно, плоскости с рисунками были разобраны на блоки для строительства памятников.

¹⁶ Съемка проведена с использованием макрообъектива-зонда Laowa 24 mmf/14 ProbeLensCanonEF с закрепленной на конце зеркальной насадкой-перископом (рис. 5).

¹⁷ Гептнер и др. 1961, 535.

¹⁸ Гамбарян 1972, рис. 906.

¹⁹ Гептнер и др. 1961, 557–558.

²⁰ Гусаков 2002, 181.

Рис. 5. Фотографирование «спрятанного» петроглифа на плите № 13

Рис. 6. Наскальная композиция на плите № 13. Фото и прорисовка

Рис. 7. Фрагмент изображения животного на плите № 14. Фото и прорисовка

Возможно, в контексте данной композиции следует также рассматривать фрагмент одиночного изображения животного на юго-восточной угловой стеле кургана (плита № 14). Оно находится на высоте 1,1 м от современной дневной поверхности точно напротив торца плиты № 13 с рисунками и по уровню расположено выше фигур козы с козленком. Выполнено мелкой точечной вышивкой. Сохранился нижний фрагмент рисунка, на котором видны три вертикальные линии, воспринимающиеся как две задние и одна передняя ноги животного с поджарым животом и мощной грудью, переходящей в шею (бык?), голова направлена внутрь ограды кургана. Верхняя часть рисунка утрачена из-за отслоения песчаника (рис. 7). Нанести петроглиф на стелу при установленной плите ограды № 13 было невозможно – просвет между торцом камня и стелой в этом месте составляет 0,16 м. Изображение выбито либо перед установкой плиты ограды (возможно, для его «привязки» к композиции с копытными и человеком), либо такое позиционирование произошло случайно, а петроглиф был нанесен ранее, когда стела еще была частью скального массива или в процессе ее транспортировки.

Строительство БСК маркирует верхнюю дату создания скального петроглифа на плите № 13, когда она была добыта в каменоломне и помещена в конструкцию ограды. Стилистически изображения копытных и антропоморфной фигуры находят аналогии среди петроглифов в промежутке с периода поздней бронзы до тагарского времени. Расположение антропоморфной фигуры между двумя животными соотносится с серией сцен, обозначенных Я.И. Шером общим названием «Господин коней»²¹ (шире – «Владыка зверей», термин предложен О.С. Советовой²²), характерных для раннего этапа скифо-сибирского звериного стиля. Сюжет представляет пару противостоящих коней (= зверей), между которыми располагается мужская антропоморфная фигура в остроконечном головном уборе. В случае со «спрятанным» петроглифом БСК голова человека имеет конусовидную форму, возможно, таким образом передан головной убор (на эту особенность внимание автора обратила О.С. Советова). Не исключено, что антропоморфный образ мог быть подрисован между животными позднее. На это косвенно указывает выбивка вогнутой формы рядом с рукой человека, перекрывающая переднюю ногу козы.

Один из мотивов композиции – «коза, кормящая козленка». Отдельными исследователями подобный мотив условно именуется, как «мать с детенышем под брюхом»²³. Он находит аналогии среди петроглифов эпохи бронзы и раннего железа на скальных плоскостях местонахождений на территории Минусинской котловины (например, Шишка, Быстрая²⁴ II, Георгиевская²⁵, Улазы²⁶ III, Куня²⁷). Собственно, рисунок козы с козленком на плите БСК, первоначально бывший скальным петроглифом, также следует рассматривать в одном ряду с этими изображениями.

²¹ Шер 1993, 17–22.

²² Советова 2011, 177–179.

²³ Советова и др. 2021, 104.

²⁴ Ковалева 2011, табл. 74, 99.

²⁵ Леонтьев, Панкова 2012, рис. 5.

²⁶ Мухарева 2012, рис. 12, 13.

²⁷ Вяткина 1961, рис. XXLII, 22.

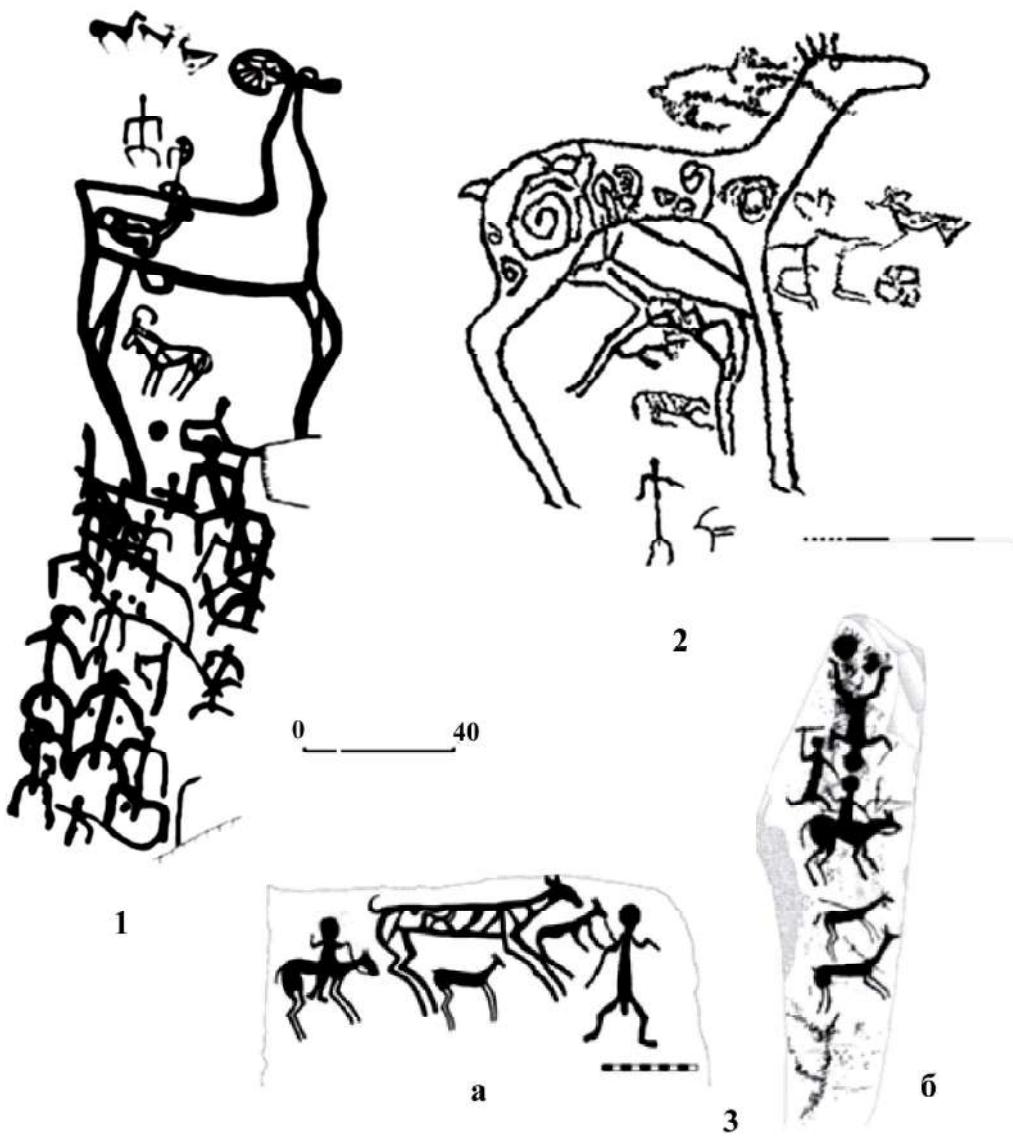

Рис. 8. Варианты мотива «взрослое животное с детенышем (?)» на плитах тагарских (тесинских) курганов. 1 – курган Барсучий лог (по: Ковалева 2013, рис. 23); 2 – курган Тогр-Таг (копия представлена Е.А. Миклашевич); 3 – курган в пункте Тепсей VIII, западная грань (а), северная грань (б) (по: Советова и др. 2021, рис. 90, 3, 5).

Некоторые соответствия данному мотиву в различных вариациях можно найти и на плитах курганов. На конструкциях элитного сарагашенского кургана Барсучий лог – на крайней северной плите западной стены ограды центральное место занимает рисунок эпохи поздней бронзы, изображающий большую фигуру (1,2 × 0,65 м) козла (барана?), внутри которого помещена фигурка животного (эмбриона?) с поджатыми ножками²⁸. Плита вторично переиспользована при строительстве кургана (рис. 8, 1). В раннетесинском кургане-склепе могильника Тогр-Таг сцена с изображением терзаемой хищниками самки копытного животного, кормящей детеныша, находилась на плите «входа» в ограду, пристроенного с восточной стороны²⁹. По наблюдениям автора раскопок Н.Ю. Кузьмина³⁰, изображение выбито во время сооружения ограды (рис. 8, 2). В нераскопанном (скорее всего, подгорновском) кургане в пункте Тепсей VIII на северо-восточной угловой стеле ограды кургана на двух гранях камня (западной и северной) изображена, вероятно, взаимосвязанная по смыслу сцена, условно обозначенная исследователями как «космическая охота» на оленуху с олененком. В сюжет вовлечены всадники с луками, антропоморфные и зооморфные персонажи. Рисунок, по всей видимости, выбит позже сооружения кургана и по стилистическим особенностям датируется тесинским временем³¹ (рис. 8, 3). Еще одно изображение на плите ограды происходит из элитного подгорновского кургана Тигей. Рисунок не опубликован и описан, как два «парных» изображения козлов – под животом взрослой особи находится изображение козленка «на коленях», задние ноги прямые, передние подогнуты. Плита с рисунками переиспользована вторично³².

Контексты, в которые вписан мотив на упомянутых памятниках, различны. В двух случаях это сцены борьбы и противостояния – терзания копытного хищниками (Тогр-Таг) и «космической охоты» на животных (Тепсей VIII). Мотивы на плитах БСК и Барсучьего лога отличаются статичностью³³. По стилистическим особенностям изображения на курганах Тогр-Таг и Тепсей VIII датируются тесинским временем. Не вдаваясь в дискуссию об абсолютной и относительной датировках времени создания упомянутых памятников, отметим, что конструктивное сходство БСК с тесинскими склепами рассматривается отдельными исследователями как весомый аргумент в пользу датирования кургана позднесарагашенским³⁴ и даже хуннским временем³⁵. По ряду конструктивных особенностей курган Барсучий лог также находит соответствия среди раннетесинских памятников³⁶.

²⁸ Ковалева 2013, рис. 23.

²⁹ Кузьмин 2011, 234, рис. 44.

³⁰ Кузьмин 1995, 56.

³¹ Советова и др. 2021, 103–104, рис. 90, 3, 5.

³² Седых, Марсадолов 2009, 105.

³³ Среди других особенностей контекста можно отметить наличие в БСК и кургане Тогр-Таг детских погребений, совершенных непосредственно под плитами с изображением кормящих самок (Киселев 2016, 8; Кузьмин 2011, 300). Их взаимосвязь с рисунками маловероятна, хотя такое соотнесение обращает на себя внимание. Незначительность выборки не позволяет делать более определенные выводы.

³⁴ Кузьмин 2011, 70–71.

³⁵ Вадецкая 1994, 66–67.

³⁶ Кузьмин 2011, 71–72.

РИСУНКИ НА ПЛИТАХ – ЭЛЕМЕНТ КУРГАННОЙ АРХИТЕКТУРЫ?

В связи с обнаружением скальной композиции на плите ограды БСК возникает логичный вопрос – намеренно ли петроглиф перенесен в конструкции кургана. Однозначно ответить на него вряд ли удастся, высажем лишь некоторые соображения.

Ограда любого кургана – это важнейший архитектурный, конструктивный и, как представляется, семантический элемент погребального памятника. Каменные конструкции ограды наряду с погребальной камерой и ее заполнением – основной контекст, в котором находятся изображения. Собственно, подавляющее большинство рисунков в тагарских курганах как раз и нанесены на камни ограды. При изучении контекста, в котором находились плиты с изображениями (как переиспользованные, так и набитые в ходе строительства), в конструкциях упомянутых выше курганов выявились, на наш взгляд, одна существенная деталь – камни с рисунками часто установлены вплотную к вертикальным угловым или простеночным стелам ограды.

Так, в кургане Барсучий лог из 20 плит, на фасадной стороне которых имеются рисунки, 14 примыкают к вертикальным угловым и простеночным стелам, в том числе 3 установлены в пространстве «входа» (всего в ограде около 90 вертикально вкопанных плит)³⁷. Из недавних исследований схожая с Барсучьим логом картина с переиспользованием «писаных» плит для конструкций ограды фиксируется³⁸ на тесинском кургане Скальная-5. В БСК рисунков на плитах ограды значительно меньше, однако все многофигурные композиции позиционируются около вертикальных стел: плита № 7 – стела № 8; плита № 13 – стела № 14; плита № 63 – стела № 62. В кургане Тигей по крайней мере две плиты, насыщенные изображениями, установлены рядом с простеночными стелами южной и западной стен ограды³⁹. Возможно, таким архитектурным приемом подчеркивалась (дополнялась?) семантика вертикальных стел ограды, учитывая, что смысловая составляющая угловых и простеночных стел, по-видимому, была различна. Так, в раннетагарскую эпоху в конструкции ограды устанавливались только угловые стелы, простеночные появились позднее, их количество увеличивалось по мере развития культуры.

На возможно сознательный характер помещения камней с петроглифами в определенное место в ограде также обращалось внимание К.В. Чугуновым при исследовании алды-бельского «царского» кургана Аржан-2 в Туве. Наиболее крупные камни с ранее нанесенными рисунками, добытыми в каменоломнях в качестве строительного материала, располагались в юго-восточной части кольцевидной ограды. По мнению археолога, при заготовке камней блоки с изображениями старались сколоть как можно аккуратнее⁴⁰.

Неправильная ориентация, «спрятанность» рисунков на переиспользованных плитах в тагарских курганах⁴¹, как правило, рассматриваются исследователями

³⁷ Ковалева 2013, табл. 2.

³⁸ Зоткина и др. 2021, 966–971.

³⁹ Седых, Марсадолов 2009, рис. 1.

⁴⁰ Чугунов 2008, 66.

⁴¹ Учитывая многочисленность переиспользованных плит с рисунками на кургане Барсучий лог, несомненно, что в каменных конструкциях ограды скрыто значительное количество других изображений. В интересах музеевификации памятника ограда, представляющая собой кладку из горизонтально уложенных плиток, укрепленных снаружи вертикальными плитами, при раскопках не разбиралась.

как признаки уничижительного либо безразличного отношения к ним. Сегодня можно только высказывать предположения об отношении тагарцев к такому специальному строительному материалу, как «писаные» камни – пренебрежительное, уважительное, безразличное и т.д. Однако в любом случае, на наш взгляд, не должно вызывать сомнений, что при добыче плит в каменоломне либо их изъятии из оград других курганов люди видели петроглифы, и это позволяет говорить об осмысленном отношении к изображениям либо камням, на которых они были ранее высечены. Так, на кургане Барсучий лог при установке камней с рисунками между плитой и контрафорсом прокладывались тонкие плиточки, предотвращавшие повреждения петроглифов⁴². В отличие от скальных изображений, которые находились на виду, курганные рисунки, в том числе «спрятанные» в конструкциях, возможно, не всегда предполагали наличие зрителя.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, обнаруженная на плите № 13 композиция, вероятно, представляет наиболее ранние из известных рисунков на плитах БСК. Добытая в каменоломне плита с петроглифами, возможно, при установке в ограду была дополнена зооморфным образом на примыкающей угловой стеле № 14. Учитывая элитный статус БСК, выявленная композиция способствует дальнейшему раскрытию информационного потенциала кургана как источника для изучения погребального ритуала носителей тагарской культуры.

Анализируя приведенные соответствия мотиву кормящей самки с плиты БСК, с осторожностью (учитывая небольшую выборку) можно предположить, что применительно к курганам этот мотив, появляясь на раннем этапе тагарской культуры, чаще встречается в позднетагарское и тесинское время. В свою очередь, единичность изображений пока не позволяет говорить о его распространенности среди рисунков именно на курганных плитах. Возможно, какие-то корректизы будут внесены при открытии новых рисунков на камнях курганов.

Использование (переиспользование) плит с рисунками для конструкций курганов, вероятно, носило сознательный характер. Их размещением в архитектурно значимых частях ограды (вертикальные угловые и простеночные стелы, «вход»), возможно, подчеркивался семантический (?) контекст того или иного элемента конструкции мемориального комплекса. При таком подходе рисунки на курганных плитах следует рассматривать как элемент курганной архитектуры, участвующий в организации пространства ограды тагарского кургана (в настоящее время преобладает подход, при котором изображения на плитах и стелах в основном соотносятся с заполнением погребальных камер).

⁴² Ковалева 2013, 95.

ЛИТЕРАТУРА

Вадецкая, Э.Б. 1994: Кара-Курген, Узун-Оба, Салбык, Большой Новоселовский (версии о курганах вождей тагарских племен). В сб.: А.Ю. Алексеев, Н.А. Боковенко, Л.С. Марсадолов, В.А. Семенов (ред.), *Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху*. СПб., 62–69.

Вяткина, К.В. 1961: Наскальные изображения Минусинской котловины. *МАЭ XX*, 188–237.

Гамбарян, П.П. 1972: *Бег млекопитающих. Приспособительные особенности органов движения*. Л.

Гептнер, В.Г., Насимович, А.А., Банников, А.Г. 1961: *Млекопитающие Советского Союза. Т. 1. Парнокопытные и непарнокопытные*. М.

Гусаков, М.Г. 2002: Археология – Археоастрономия – Календарь. В кн.: Т.М. Потемкина, В.Н. Обридко (ред.), *Астрономия древних обществ*. М., 180–186.

Зоткина, Л.В., Сутугин, С.В., Постников, Н.В., Богданов, Е.С., Тимошенко, А.А. 2021: Методика документирования наскальных изображений в курганных конструкциях: на примере памятника Скальная-5 (Аскизский район, Республика Хакасия). *ПАЭАССТ* 27, 966–973.

Киселев, С.В. 2016: Отчеты о раскопках Большого Салбыкского кургана за 1954–1956 годы. В кн.: Л.С. Марсадолов, В.Н. Тугужекова (ред.), *Большой Салбыкский курган и археологические памятники в его окрестностях*. Абакан, 6–15.

Ковалева, О.В. 2011: *Наскальные рисунки эпохи поздней бронзы Минусинской котловины*. Новосибирск.

Ковалева, О.В. 2013: Рисунки на плитах и стелах кургана Барсучий лог. *НОСА* 1(5), 91–111.

Кузьмин, Н.Ю. 1995: Изображения на плитах оград тагарских курганов у села Верхний Аскиз в Хакасии. В кн.: В.В. Бобров (ред.), *Древнее искусство Азии. Петроглифы*. Кемерово, 55–57.

Кузьмин, Н.Ю. 2011: *Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура*. СПб.

Кызласов, И.Л. 2022: Каменоломня в скале Хызыл-Хая. В кн.: Кызласов И.Л. *Древности Хакасии*. М., 14–20.

Леонтьев, Н.В., Панкова, С.В. 2012: Петроглифы горы Георгиевской (таштыкские резные рисунки). В сб.: *Памятники наскального искусства Минусинской котловины: Георгиевская. Льнищенская. Улазы III. Сосниха* (Тр. САИПИ X). Кемерово, 5–27.

Малолетко, А.М. 2016: Плиты каменной ограды Большого Салбыкского кургана. В кн.: Л.С. Марсадолов, В.Н. Тугужекова (ред.), *Большой Салбыкский курган и археологические памятники в его окрестностях*. Абакан, 54–62.

Марсадолов, Л.С. 2010: *Большой Салбыкский курган в Хакасии*. Абакан.

Миклашевич, Е.А., Бове, Л.Л. 2015: Исследование изображений на курганных плитах монгильников под горой Бычиха (Минусинская котловина). *Вестник КемГУ* 3(63), 52–64.

Мухарева, А.Н. 2012: Петроглифы местонахождения Улазы III. В сб.: *Памятники наскального искусства Минусинской котловины: Георгиевская. Льнищенская. Улазы III. Сосниха* (Тр. САИПИ X). Кемерово, 57–71.

Савинов, Д.Г. 2013: «Обряды перехода» на курганных плитах Среднего Енисея. *НОСА* 1(5), 112–119.

Седых, В.Н., Марсадолов, Л.С. 2009: О возможных прототипах тагарских бронзовых наверший. *Теория и практика археологических исследований* 5, 101–110.

Советова, О.С. 2011: Приемы композиционного построения в наскальном искусстве Евразии. В сб.: *Древнее искусство в зеркале археологии: к 70-летию Д.Г. Савинова* (Тр. САИПИ VII). Кемерово, 161–185.

Советова, О.С., Шишкина, О.О., Аболовкова, И.В. 2021: *Наскальное искусство Тепсейского археологического микрорайона*. Кемерово.

Чугунов, К.В. 2008: Плиты с петроглифами в комплексе кургана Аржан-2 (к хронологии аржано-майэмирского стиля). В сб.: *Тропою тысячелетий: к юбилею М.А. Дэвлемет* (Тр. САИПИ IV). Кемерово, 53–69.

Шер, Я.А. 1993: «Господин коней» на берегах Енисея. *Петербургский археологический вестник* 6, 17–22.

Шишкина, О.О. 2015: Антропоморфные изображения на плитах оград тагарских курганов и могильных плитах (по материалам археологического комплекса Тепсей). *Известия ИГУ. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология* 13, 50–61.

Яценко, С.А., Марсадолов, Л.С. 2005: Знаки-тамги на камнях Большого Салбынского кургана. В сб.: Г.Г. Король (ред.), *Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С.В. Киселева*. Красноярск, 212–215.

REFERENCES

Chugunov, K.V. 2008: Plity s petroglyphami v komplekse kurgana Arzhan-2 (k khronologii arzhano-maiemirskogo stilya) [Slabs with Petroglyphs in the Arzhan-2 Burial Mound Complex (to the Chronology of the Arzhan-Mayemir Style]. In: *Tropoyu tysyacheletiy: K yubileyu M.A. Devlet* [Path of the Millennia: To the Anniversary of M.A. Devlet] (Trudy SAIPi [Proceedings of the Siberian Association of Researchers of Primitive Art] 4. Kemerovo, 53–69.

Gambaryan, P.P. 1972: *Beg mlekopitayushchikh. Prisposobitel'nye osobennosti organov dvizheniya* [Running of Mammals. Adaptive Features of the Organs of Movement]. Leningrad.

Geptner, V.G., Nasimovich, A.A., Bannikov, A.G. 1961: *Mlekopitayushchie Sovetskogo Soyuza* [Mammals of the Soviet Union]. Vol. 1. *Parnokopytnye i neparnokopytnye* [Artiodactyls and Ungulates]. Moscow.

Gusakov, M.G. 2002: Arkheologiya – Arkheoastronomiya – Kalendar' [Archaeology – Archaeoastronomy – Calendar]. In: T.M. Potemkina, V.N. Obridko (ed.), *Astronomiya drevnikh obshchestv* [Astronomy of Ancient Societies]. Moscow, 180–186.

Kiselev, S.V. 2016: *Otchety o raskopkakh Bol'shogo Salbykskogo kurgana za 1954–1956 gody* [Reports on the Excavations of the Great Salbyk Kurgan in 1954–1956]. In: L.S. Marsadlov, V.N. Tuguzhekova (ed.), *Bol'shoy Salbykskiy kurgan i arkheologicheskie pamyatniki v ego okrestnostyakh* [The Great Salbyk Kurgan and Archaeological Sites in Its Vicinity]. Abakan, 6–15.

Kovaleva, O.V. 2011: *Naskal'nye risunki epokhi pozdneye bronzy Minusinskoy kotloviny* [Rock Paintings from the Late Bronze Age of the Minusinsk Basin]. Novosibirsk.

Kovaleva, O.V. 2013: Risunki na plitakh i stelakh kurgana Barsuchii log [Drawings on the Slabs and Stelae of the Barsuchy Log Kurgan]. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya* [Sayan-Altai Scientific Review] 1(5), 91–111.

Kuzmin, N.Y. 1995: *Izobrazheniya na plitakh ograd tagarskikh kurganov u sela Verkhniy Askiz v Khakassii* [Images on the Fence Slabs of the Tagar Burial Mounds near the Village of Verkhniy Askiz in Khakassia]. In: V.V. Bobrov (ed.), *Drevnee iskusstvo Azii. Petroglify* [Ancient Art of Asia. Petroglyphs]. Kemerovo, 55–57.

Kuzmin, N.Y. 2011: *Pogrebal'nye pamyatniki khunno-syan'biyskogo vremeni v stepyakh Srednego Eniseya: Tesinskaya kul'tura* [Funerary Sites of the Xiongnu-Xianbian Period in the Steppes of the Middle Yenisei: The Tes Culture]. St. Petersburg.

Kyzlasov, I.L. 2022: Kamenolomnya v skale Khyzyl-Khaya [Quarry in the Khyzyl-Khaya Rock]. In: I.L. Kyzlasov (ed.), *Drevnosti Khakassii* [Antiquities of Khakassia]. Moscow, 14–20.

Leontyev, N.V., Pankova S.V. 2012: Petroglify gory Georgievskoy (tashtykskie reznye risunki) [Petroglyphs of Mount Georgievskaya (Tashtyk Carved Drawings)]. In: *Pamyatniki naskal'nogo iskusstva Minusinskoy kotloviny: Georgievskaya. L'nishchenskaya. Ulazy III. Sosnikha* [Rock Art Sites of the Minusinsk Basin: Georgievskaya. Linishchenskaya. Ulaza

III. *Sosnikha*] (Trudy SAIPI X [Proceedings of the Siberian Association of Researchers of Primitive Art] 10). Kemerovo, 5–27.

Maloletko, A.M. 2016: Plity kamennoy ogrady Bol'shogo Salbykskogo kurgana [Slabs of the Stone Fence of the Great Salbyk Burial Mound]. In: L.S. Marsadolov, V.N. Tuguzhekova (ed.), *Bol'shoy Salbykskiy kurgan i arkheologicheskie pamyatniki v ego okrestnostiakh* [The Great Salbyk Kurgan and Archaeological Sites in Its Vicinity]. Abakan, 54–62.

Marsadolov, L.S. 2010: *Bol'shoy Salbykskiy kurgan v Khakasii* [The Great Salbyk Kurgan in Khakassia]. Abakan.

Miklashevich, E.A., Bove, L.L. 2015: Issledovanie izobrazhenii na kurgannykh plitakh mogil'nikov pod goroi Bychikha (Minusinskaya kotlovina) [The Study of Images on Kurgan Slabs at the Foot of Bychikha Mountain (the Minusinsk Basin)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University] 3(63), 52–64.

Mukhareva, A.N. 2012: Petroglify mestonakhodeniya Ulazy III [Petroglyphs of the Ulazi III Site]. In: *Pamyatniki naskal'nogo iskusstva Minusinskoy kotloviny: Georgievskaya. L'nishchenskaya. Ulazy III. Sosnikha* [Rock Art Sites of the Minusinsk Basin: Georgievskaya. L'nishchenskaya. Ulaza III. Sosnikha] (Trudy SAIPI X [Proceedings of the Siberian Association of Researchers of Primitive Art] 10). Kemerovo, 57–71.

Savinov, D.G. 2013: «Obryady perekhoda» na kurgannykh plitakh Srednego Eniseya [“Rites of Passage” on the Burial Mounds of the Middle Yenisei]. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya* [Sayan-Altai Scientific Review] 1(5), 112–119.

Sedykh, V.N., Marsadolov, L.S. 2009: O vozmozhnykh prototipakh tagarskikh bronzovykh navershiy [On Possible Prototypes of Tagar Bronze Pommels]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovanii* [Theory and Practice of Archaeological Research] 5, 101–110.

Sher, Ya.A. 1993: «Gospodin koney» na beregakh Eniseya [“Master of Horses” on the Banks of the Yenisei]. *Peterburgskii arkheologicheskii vestnik* [St. Petersburg Archaeological Bulletin] 6, 17–22.

Shishkina, O.O. 2015: Antropomorfnye izobrazheniya na plitakh ograd tagarskikh kurganov i mogil'nykh plitakh (po materialam arkheologicheskogo kompleksa Tepsey) [Anthropomorphic Images on Slabs of the Tagar Kurgans and Tombstones (Based on the Materials of the Archaeological Complex Tepsey)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* [Bulletin of Irkutsk State University. Series: Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology] 13, 50–61.

Sovetova, O.S. 2011: Priemy kompozitsionnogo postroeniya v naskal'nom iskusstve Evrazii [Compositional Construction Techniques in Eurasian Rock Art]. In: *Drevnee iskusstvo v zerkale arkheologii: K 70-letiyu D.G. Savinova* [Ancient Art in the Mirror of Archaeology: On the 70th Anniversary of D.G. Savinov] (Trudy SAIPI VII [Proceedings of the Siberian Association of Researchers of Primitive Art] 7, Kemerovo, 161–185.

Sovetova, O.S., Shishkina, O.O., Abolonkova, I.V. 2021: *Naskal'noe iskusstvo Tepseyskogo arkheologicheskogo mikrorayona* [Rock Art of the Tepsey Archaeological Area]. Kemerovo.

Vadetskaya, E.B. 1994: Kara-Kurgen, Uzun-Oba, Salbyk, Bol'shoy Novoselovskiy (versii o kurganakh vozhdey tagarskikh plemen) [Kara-Kurgen, Uzun-Oba, Salbyk, Bolshoy Novoselovsky (Versions about the Burial Mounds of the Leaders of the Tagar Tribes)]. In: A.Y. Alekseev, N.A. Bokovenko, L.S. Marsadolov, V.A. Semenov (ed.), *Elitnye kurgany stepей Evrazii v skifo-sarmatskuyu epokhu* [Elite Kurgans of the Eurasian Steppes in the Scythian-Sarmatian Epoch]. St. Petersburg, 62–69.

Vyatkina, K.V. 1961: Naskal'nye izobrazheniya Minusinskoy kotloviny [Rock Paintings of the Minusinsk Basin]. *Muzey antropologii i etnografii* [Museum of Anthropology and Ethnography] 20, 188–237.

Yatsenko, S.A., Marsadolov, L.S. 2005: Znaki-tamgi na kamnyakh Bol'shogo Salbykskogo kurgana [Tamga Signs on the Stones of the Great Salbyk Burial Mound]. In: G.G. Korol (ed.), *Arkheologiya Yuzhnay Sibiri: idei, metody, otkrytiya. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya S.V. Kiseleva* [Archaeology

of South Siberia: Ideas, Methods, Discoveries. Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the 100th Anniversary of S.V. Kiselyov's Birth]. Krasnoyarsk, 212–215.

Zotkina, L.V., Sutugin, S.V., Postnikov, N.V., Bogdanov, E.S., Timoshchenko, A.A. 2021: Metodika dokumentirovaniya naskal'nykh izobrazheniy v kurgannykh konstruktsiyakh: na primere pamyatnika Skal'naya-5 (Askizskiy raion, Respublika Khakasiya) [Methodology for Documenting Rock Carvings in Kurgan Structures: An Example of Skalnaya-5 (the Askiz District, the Republic of Khakassia)]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Issues of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories] 27, 966–973.

ON THE “HIDDEN” PETROGLYPH ON THE SLAB OF THE GREAT SALBYK KURGAN (ON SOME ASPECTS OF KURGAN ARCHITECTURE)

Vladislav E. Semashkevich

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Abakan, Russia

E-mail: vladsem4175@yandex.ru

This is a publication of a recently discovered multi-figure composition on a slab of the fence of the so-called “royal” Great Salbyk Kurgan dated to the Tagar culture. The drawing is engraved on the narrow end plane of the slab adjacent to the southeastern vertical corner stèle. The petroglyph is almost invisible from an outsider’s perspective. The slab got into the structure of a mound from a quarry, on the rocky cliffs of which petroglyphs were carved, and where the construction material for the site was being mined. The composition reflects two motifs known in the rock art of the Late Bronze Age and Early Iron Age – the “Lord of the Beasts” (= “Lord of Horses”) and the image of an adult ungulate animal with a cub (?) under its belly. The second motif is considered in more detail; analogies among the rock petroglyphs and images on the stones of Tagar and Tes mounds are given. A preliminary conclusion is made that, in relation to kurgan structures, this motif appears in Late Tagar and Tes periods. As there are only a few of them, it does not yet allow us to speak about the prevalence of this motif among the drawings on the kurgan slabs. It is hypothesized that the placement of the fence slabs rich with patterns next to the vertical corner or wall stelae of the kurgan was an architectural technique that complemented the meaning of the stelae as semantically significant structural elements.

Keywords: Great Salbyk Kurgan, Tagar culture, Tes culture, petroglyphs, kurgan architecture